

Предисловие*

Сергей С. Шаулов

Башкирский государственный университет

«История усадебного сюжета» — не первая публикуемая нами незаконченная монография Назирова. В практике работы с архивом сложились разные способы подготовки таких документов. Так, при публикации материалов к монографии о романе «Бесы»¹ многочисленные фрагменты и заметки не были включены в общий текст книги. Мы не делали попытки «собрать» куски текста в единую структуру (хотя возможность для этого была), предпочтя максимально точно передать особенность архивного документа. Итоговый текст оказался затрудненным для чтения, и в следующий раз подобный документ — монография «Эффект подлинности»² — был подготовлен иначе: дополнения (фрагменты иных редакций и рабочих записей) были опубликованы, по большей части, не в виде приложений, а в составе основной редакции в виде выделенных вставок.

Назирова обычно не датировал свои рукописи, соответственно, у нас нет возможности опереться на хронологически последнюю авторскую волю. В этих условиях представляется целесообразной попытка представить имеющиеся материалы, с одной стороны, в максимально логически стройном виде, а с другой, — во всем многообразии имеющихся вариантов мысли.

Этим же способом мы решили издать и настоящую монографию. При этом следует сказать, что задача оказалась многократно сложнее предыдущих опытов. Прежде всего, «История усадебного сюжета» занимает не одно, а два архивных дела. Первое из них представляет собой общую тетрадь с рукописным текстом шести глав³, второе — архивную папку с рукописными и машинописными вариантами всех глав, полными и фрагментарными⁴. Особая сложность заключалась в количестве этих вариантов. «История усадебного сюжета», очевидно, длительное время

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Башкортостан в рамках научного проекта № 16-14-02008.

¹Назирова Р. Г. Материалы к монографии о романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Назировский архив. 2013. № 2. С. 6–83.

²Назирова Р. Г. Эффект подлинности. Уфа, 2016.

³АРГН. Оп. 3. Д. 8.

⁴АРГН. Оп. 4. Д. 123.

оставалась в фокусе научного внимания Назирова: судя по количеству фрагментов и вариантов, монография переписывалась более десяти раз и не менее трех раз перепечатывалась. Кроме того, в папке № 123 имеется также полная рукопись статьи «Печорин в контексте николаевского романтизма»; по всей видимости, подготовленная к отдельной публикации.

В представленной ниже публикации сноски Р. Г. Назирова воспроизведены под арабскими цифрами, а примечания публикатора под латинскими литерами. Петитом выделены вставки из неосновной редакции.

Некоторое представление о временных рамках этой работы можно получить по ссылкам, которые дает Назиров в разных вариантах одних и тех же глав. Например, в тетрадной редакции первой главы нет сноски на его собственную статью «Петербургская легенда и литературная традиция», вышедшую в 1975⁵. Более того, в двух первых главах этой редакции вообще нет ни одной ссылки моложе 1970 года, тогда как в последующих главах тетрадной редакции такие сноски имеются. На наш взгляд, это означает, что тетрадь на самом деле не содержит единой редакции.

Имеющаяся на первом форзаце тетради помета, видимо, относится именно к первым двум главам: «Прим. автора: В этом опыте нужно очень многое изменить, чтобы поэтическое впечатление моё dorосло до научного. **Пока что всё это любительство**».

Видимо, после первых двух глав, возможно, написанных в конце 60-х, Назиров вернулся к этой работе в середине следующего десятилетия. Остальные тетрадные главы, судя по сноскам и содержанию, принадлежат к тому же корпусу вариантов, что и содержимое папки.

Различия между этими вариантами имеют по большей части стилистический характер (в этом случае публикуемый текст следует наиболее полной версии главы), либо — в более редких случаях — дают представление о различных «ответвлениях» концепции; все подобные разночтения учтены в предлагаемой публикации.

Интересно, что при таком количестве вариантов и редакций между ними нет существенных расхождений. Практически идентичны и два плана, найденных в папке № 8:

1.

Роман русской усадьбы

Опыт историко-социологического исследования онегинской фабулы

⁵ Назиров Р. Г. Петербургская легенда и литературные традиции // Традиции и новаторство. Уфа, 1975. С. 122–135.

- I. Усадьба и большой мир.
 - II. Спор Лермонтова с Пушкиным (не главная линия).
 - III. Смещение героя.
 - IV. Усадебный сюжет Тургенева.
 - V. Poleмика вокруг «Обломова».
 - VI. Обновление онегинской фабулы (Помяловский, Тургенев).
 - VII. Ностальгия по раю.
 - VIII. Упадок сюжета (+ «Бесы», «Новь», народники...)
 - IX. Последний вариант. (Чехов)
 - X. Итоги.
- В «Итогах» несколько слов о XX веке.

2.

История усадебного сюжета

Оглавление

- I. Усадьба и большой мир. + «Метель».
- II. Спор Лермонтова с Пушкиным. +
- III. Усадебный сюжет у Тургенева. + Бялый
- IV. Спор вокруг «Обломова». — Бедно?
- V. Обновление усадебного сюжета. ++
- VI. Реставрация усадьбы. ?
- VII. Дьявол в Скворешниках. и упадок сюжета.
- VIII. Последний вариант. ?

Предлагаемая публикация, следуя сохранившимся планам, контаминирует наиболее полные варианты глав с включением в них представляющих интерес фрагментов из других редакций. В первых двух главах, помимо фрагментарных редакций, источником таких вставок иногда являются также первые главы тетрадной редакции и статья «Печорин в контексте николаевского романтизма».

Подобная форма, как нам представляется, наиболее адекватно отражает состояние концепции на тот момент, когда Назиров оставил эту работу.

Здесь уместно задуматься, почему монография не была дописана. Ответ — в различии между этой монографией и докторской диссертацией «Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул», первая глава которой посвящена именно усадебному сюжету,

а в терминах диссертации — «онегинской фабуле». Велико искушение понять «Историю усадебного сюжета» как некий предварительный вариант будущей концепции. Однако дело, видимо, сложнее.

В докторской диссертации понятия сюжет и фабула определяются следующим образом: «Сюжет — последовательность действий в произведении, художественно организованная через пространственно-временные отношения и организующая систему образов; при этом очень важно учитывать и обратную связь — воздействие системы образов на сюжет. Фабула — это векторно-временная и логически детерминированная последовательность жизненных фактов, избранных или вымышленных художником, но всегда мыслимых как совершающиеся вне произведения»⁶.

То есть фабула представляет собой логический «каркас» сюжета, ход которого может быть до некоторой степени индивидуален (вплоть до потери связи с фабульной основой, как это показано для некоторых сюжетных вариаций в публикуемой монографии). Фабула — механизм традиции, сюжет — форма ее индивидуально-авторской вариации, обусловленной, кроме того, исторически и социально.

Из этого следует, что публикуемая монография представляет собой именно *историю сюжета*, то есть внешней стороны той традиции, внутреннюю структуру которой Назиров описал в докторской диссертации. Неоконченная (а точнее, «недосведенная» воедино) «История усадебного сюжета» представляет собой важное *дополнение* к одному из ключевых пунктов труда, который сам Назиров называл «главным».

⁶Неопубликованный текст диссертации.